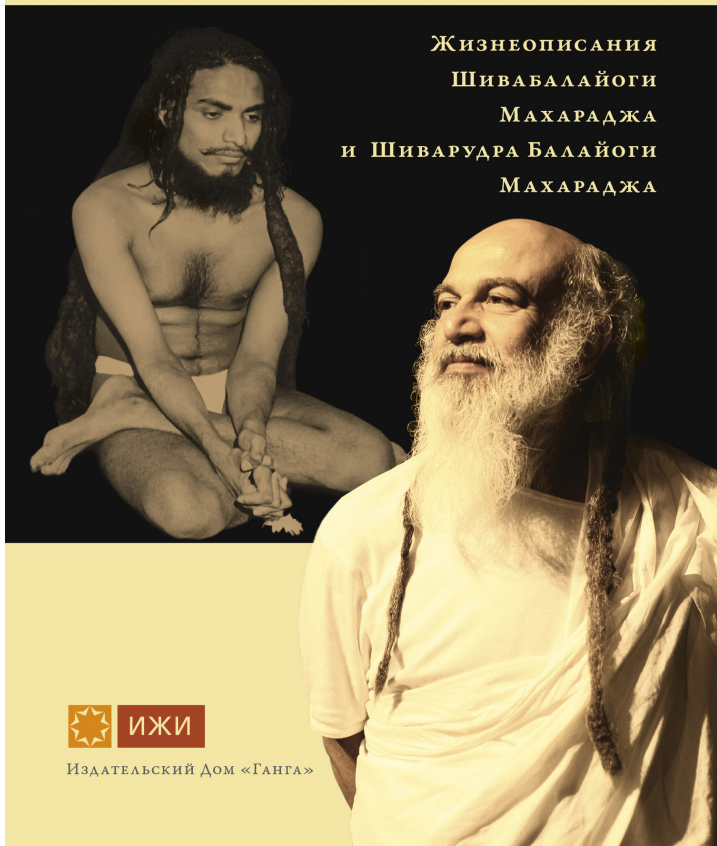

Брюс Янг

Великий йогин и его ученик

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ
ШИВАБАЛАЙОГИ
МАХАРАДЖА
и ШИВАРУДРА БАЛАЙОГИ
МАХАРАДЖА

ИЖИ

Издательский Дом «Ганга»

Брюс Янг
Великий йогин и его ученик.
Жизнеописания Шивабалайоги
Махараджа и Шиварудра
Балайоги Махараджа
Серия «Источники живой истины»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29852598

*Великий йогин и его ученик. Жизнеописания Шивабалайоги Махараджа
и Шиварудра Балайоги Махараджа/Брюс Янг; [пер. с англ. Е.*

Плехановой].: Ганга; Москва; 2018

ISBN 978-5-6040003-0-4

Аннотация

Эта книга содержит описание жизни и сурового тапаса двух великих йогов – Шивабалайоги Махараджа и его ученика Шиварудры Балайоги Махараджа, достигших состояния Освобождения, реализации Истинного Я. Жизнь и йогическая практика Шивабалайоги Махараджа описаны кратко. Более полное описание можно найти в ранее изданной книге «Великий йогин Шри Шивабалайоги Махарадж. Жизнь, духовный путь, наставления по практике». Жизнь, беззаветное служение своему

Учителю и йогическая практика Шиварудры Балайоги описаны достаточно подробно.

Книга содержит в себе уникальную информацию и послужит вдохновению тех, кто встал на духовный путь. Она также будет интересна тем, кого интересует духовная культура Индии.

Содержание

Посвящение	6
Предисловие	13
Введение	16
Часть I	22
Сатьяраджу в храме Бхимешвары	22
Желание и решительность	29
Честность и тяжелый труд	32
Честность и бесстрашие	34
Бесстрашие и твердое намерение. Тяжелый труд и честность	37
Посвящение	39
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Брюс Янг
Великий йогин и его
ученик. Жизнеописания
Шивабалайоги
Махараджа и Шиварудра
Балайоги Махараджа

Bruce Young

Guru – Disciple

The Saga of Sri Sri Sri Shivabalayogi Maharaj and His Legacy

Перевод с английского Елены Плехановой

Редактор Константин Кравчук

© SRBY, 2008

© ООО ИД «Ганга». Перевод, оформление, 2017

Посвящение

*Брахманандам Парамасукадам
Кевалам Джнанамуртим
Двандватитам Гаганасадришам
Таттвамасьяди Лакишьям
Экам Нитьям Вималам Ачалам
Сарвадхи Сакиш Бутам
Бхава Титам Тригуна Рахитам
Садгурум Там Намами.*

*Я простираюсь перед Садгуру,
наслаждающимся блаженством Брахмана,
невообразимым и пребывающим в высшем
счастье, воплощающим в себе Абсолютное
Знание, возвышающимся над двойственностью
мироздания, всезаполняющим и чистым Сознанием,
чье внимание всегда пребывает в Том,
что превыше творения, что существует как
единая всезаполняющая сущность, бессмертным
и покоящимся в Самом Себе, недвижимым
и являющимся лишь свидетелем всего,
неподвластным эмоциям и превосходящим три гуны
Вселенной.*

Гуру пранам шлока из «Гуру Гиты»

*Ом Шивайя
Шивабалайогендрайя Парабрахманайя*

Шива – это Шивабалайоги.

Бог не бывает несправедлив к своему творению. Божественное – океан доброты. Когда бы ни случилось отклонение от *дхармы* (праведности), Божественное приходит вселенной на выручку.

Каждый раз, когда человечество слишком очаровывается материальным, оно теряет свое психическое и нравственное здоровье, что приводит к увеличению бед и несчастий: напряжение растет, поток как физических, так и душевных страданий усиливается, население Земли мучается от неудовлетворенности, депрессий и разочарований. Сомнения и страх, ненависть и зависть становятся приметамы времени. Праведники молятся о мире и счастье, любви и вселенском братстве. И тогда спускается Божественное и начинают происходить удивительные необъяснимые чудеса на благо вселенной. Божественное либо Само защищает праведников, либо выбирает достойного дитя, великую душу, через которую приводит Свой план в действие.

Эти великие души, поднявшись выше любых различий и людских слабостей, используют свои силы, способности и энергию для помощи человечеству. Выпивая горькую чашу, они дарят людям свою любовь и терпимость. Они берут на себя страдания мира и отдают свое знание и мудрость во имя просветления вселенной. Они всегда действуют в масштабе вселенной. Они жертвуют своими жизнями ради спасения

мира. Они становятся вечными указателями и вдохновителями – маяками вселенной.

Одно такое невероятное чудо случилось в нашем, двадцатом, веке, как бы ни было трудно принять этот факт обычному человеческому уму – беспрестанно анализирующему, сомневающемуся и выносящему опрометчивые суждения. Но это случилось, хотя во время самого события никто из присутствовавших не усмотрел Божественного проявления в том, что подросток неожиданно предался суровому *тапасу*, ему и секунды не потребовалось, чтобы решиться на это. Такова была его природа, природа великой души. Огромная сила решительности, преданности, трудолюбия, честности и прочих добродетелей, которой он обладал с рождения, выказывает в нем человека необычного.

В тот момент никто, кроме Сатьяраджу – подростка, о котором идет речь, – не видел того, что видел он, – миру он рассказал о случившемся гораздо позже. Чудо произошло через плод [пальмировой пальмы]. Не раз и не два с замиранием сердца слышали мы от своих учителей историю о том, как ради *бхакты* Прахлады, ребенка, преданного Богу, из колонны появилось божество. А в нашей истории 7 августа 1949 года Сатьяраджу, пытаясь добыть сок из поднятого с земли плода, извлек из него *шивалингам*, из которого в свою очередь вышел божественный мудрец. Святых той местности, носивших на шее кулоны в виде шивалингама, называли джангам деварами. Сатьяраджу подумал, что это был один

из них. Если вы попытаетесь сидеть неподвижно с закрытыми глазами и держать ум сосредоточенным в состоянии безмыслия в течение одной или нескольких минут, вы поймете, насколько это трудно, а многим из вас это покажется невозможным. Сатьяраджу 1935 года рождения, и в 1949 году, когда ему было всего лишь четырнадцать лет, он начал ежедневный тапас, при котором его ум пребывал в совершенно неподвижном сосредоточенном состоянии в отсутствие всяких мыслей в течение двадцати двух часов кряду. И этот суровый тапас продолжался в течение двенадцати лет.

Мир стал свидетелем поразительного превращения Сатьяраджу в Шри Шивабалайоги. На его лице появилась сияющая аура – *теджас*, и поток удивительного знания и мудрости начал изливаться из него.

После окончания тапаса он стал объектом притяжения сотен, тысяч, миллионов людей. Возлюбленный Шри Свамиджи, как мы его называем, посвятил в медитацию несчетное число людей, вдохновляя и направляя их на духовном пути, пути осознания Истинного Я. Это было главным посланием Свамиджи. Он говорил: «Все прочее – ваше положение в обществе и тому подобное – лишь порожденные предрассудками представления вашего ума. Что бы вы ни делали, вы делаете для себя. Даже благотворительностью вы занимаетесь, только если это доставляет вам удовольствие и делает вас счастливыми. При помощи *садханы* (усилий на духовном пути) получите переживание и знание Истинного Я – того,

чем вы являетесь в действительности». Шри Свамиджи обещал, что тогда исчезнут все конфликты и страдания, чувство незащищенности и беспомощности, а в мире смогут воцариться покой и гармония.

Когда доктор Брюс Янг, наш искренний почитатель из Австралии, предложил написать эту книгу, мы согласились. У нас нет цели заявить о себе, похвастаться собой или своими достижениями – мы хотим воздать должное величию, силе и милости нашего возлюбленного Шри Свамиджи, являющегося для всех нас, его почитателей, Матерью, Отцом, Гуру и Богом. Когда вы замечаете какие-либо проявления милости или благословения, полученные от нашего возлюбленного Шри Свамиджи, вы видите лишь малую толику его силы и благоволения. Миллионы людей в этом мире, практикующих садхану или занятых в великой миссии Свамиджи, чувствуют его покровительство. И мы в этих строках хотим выразить нашу любовь и почтение всем нашим братьям и сестрам, преданным Свамиджи. Трудно перечислить имена всех их, но двоих, сыгравших огромную роль в моей жизни во время служения возлюбленному Учителю Шри Свамиджи, я бы хотел упомянуть.

В 1974 году, когда я оставил родной дом ради своего Гуру и был направлен в Дехрадун, чтобы заботиться о местном ашраме, я встретил двух людей, которые вдохновили меня и вызывали исключительно теплые чувства.

Один из них – генерал-лейтенант Ханут Сингх, которого

я считаю своим старшим братом. Он весьма подробно и самым замечательным образом изложил биографию Шри Свамиджи¹, описав и его детство, и тапас, и миссию. Всякий раз, по случаю присутствуя при его беседах со Свамиджи в ашраме Дехрадуна в середине семидесятых годов, где он расспрашивал Гуру о его детстве, посвящении в тапас, самом тапасе и миссии, я получал огромную порцию вдохновения. За все полученное мной воодушевление и любовь я выражаю ему особенную благодарность и почтение.

Еще один человек, которого я бесконечно уважаю, – это Матаджи. Свамиджи называл ее Ма. Мы же все знаем ее как Матаджи. Еще одна высокая душа, щедро делившаяся со мной своей любовью и земной мудростью. Она всегда относилась ко мне как к члену своей семьи. Меня вдохновляла не только ее единственная в своем роде личность, но и тот факт, что она оставалась неизменным оплотом миссии Шри Свамиджи. Мое особое уважение и поклон ей.

Совершая в качестве подношения безусловную отдачу себя нашему Учителю и простираясь у Его лотосных стоп, мы молим о том, чтобы жизнь и тапас Свамиджи продолжали вдохновлять человечество во все века, чтобы оно могло понять цель жизни и пойти по духовному пути Самопознания.

¹ Опубликована на русском языке изд-вом «Ганга» в 2016 году под названием «Великий йогин Шри Шивабалайоги Махарадж. Жизнь, духовный путь, наставления по практике». – Прим. ред.

*Лока самаста сукино бхаванту – пусть все существа во
всех мирах будут счастливы.*

Баба Шри Шиварудрабалайоги Махарадж

Предисловие

На фото: Шри Шивабалайоги Махарадж (один из самых известных снимков улыбающегося Махараджа, сделанный после купания в море на Шри-Ланке в 1981 г.)

Век за веком многие великие души принимали рожде-

ние в человеческой форме, чтобы нести благо и пользу человечеству. История, описанная в этой книге, рассказывает о жизни двух йогов: Шри Шивабалайоги, с любовью называемом Свамиджи, и Шри Шиварудре Балайоги, известном также как Бабаджи. Это история о том, как совершенная вера, доверие и решимость истинных последователей могут быть вознаграждены щедрыми дарами.

Удивительна устремленность этих великих душ и просто невероятна их способность справляться с труднейшими жизненными задачами. Вместе с тем силы и способности этих настоящих йогов могут вдохновлять людей на следование духовному пути, на медитацию ради обретения контроля над умом. Описанные в книге духовные переживания, истории и наставления предоставляют нам многочисленные примеры умственных представлений, игр и влияний эго, а также отношения к практике. Эта книга может помочь каждому из нас лучше понять себя.

Для меня же главное то, что и Свамиджи и Бабаджи учат прежде всего не тому, как улучшить других, а как смотреть на себя, исправлять себя, что по нашим временам редкость. Мы также должны научиться взаимному уважению и любви, заботе друг о друге, чтобы в один прекрасный день достичь с Божьей помощью поворотного изменения в сознании общества, которое бы неуклонно привело к миру и гармонии на всей земле.

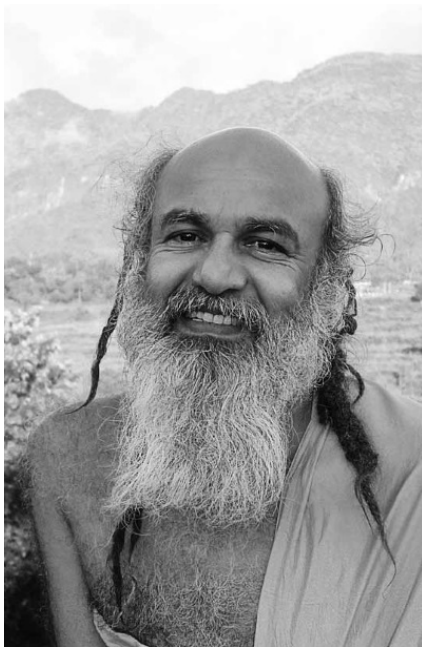
Я молюсь о том, чтобы эта книга вместе с живым учением

и присутствием Шри Шиварудры Балайоги (Бабаджи), продолжающего в мире миссию своего Гуру по воодушевлению человечества, вкупе с Божьей милостью помогли нам узнать, кем мы являемся на самом деле, и привели бы нас в итоге домой в Божественное.

Дорис Брофи

Июль 2008 г.

Введение

Шри Шиварудра Балайоги Махарадж

Есть тысяча причин, по которым эта книга могла остаться ненаписанной, и потому я прошу у читателей снисхождения и прощения. Изначально она задумывалась как изложение краткой биографии одного из великих индийских Учи-

телей Шри Шивабалайоги Махараджа, яркой звездой осветившего в двадцатом столетии духовный небосклон Индийского субконтинента – его сияющая форма и духовный магнетизм завораживали всех, кому посчастливилось оказаться с ним рядом. Также в книге предполагалось описать историю отношений великого Учителя с его учеником Шринивасом Дикшитаром, которого Учитель с любовью называл Сину, а также об огромном наследии, оставленном Учителем после себя.

Итак, рассказать эту историю представляется делом почти невыполнимым, поскольку можно рассказать о ранних днях воплощения Учителя в роли маленького деревенского мальчика и предпринятом им невероятном тапасе, но ничего нельзя сказать о его дальнейшей йоге. Сама природа йоги делает это невозможным, ведь потеря вымышленной личности в истине Единого Себя означает, что не остается никого, кого можно было бы описать. Это все равно что пытаться дать определение дверному проему: трудно описать то, что является его сутью, – «пустоту», и при этом именно она кажется самым точным определением. Поэтому, наверное, лучшее, что можно сделать, это попробовать добросовестно зафиксировать события, происходящие вокруг тела, оставшегося жить в мире после Самореализации, и взаимодействие этого божественного проводника со всем сущим.

В связи с этим я прошу у читателей снисхождения, когда они будут читать строки, подобные этой: «Шри Свами-

джи был в гневе», ведь из того малого, что доступно нашему пониманию природы Шри Свамиджи, можно утверждать, что он всегда пребывал в состоянии абсолютного Покоя и «изобилии Ананды (блаженства)» – как он сам говорил. Утверждение о гневе лишь указывает на то, как многообразно проявляло себя священное пространство внутреннего покоя, как использовалось тело Шри Свамиджи в качестве средства, через которое мир получал благословения. Я мог бы написать об этом более развернутыми предложениями, к примеру: «На лице возникло выражение гнева, движения тела выражали ярость, а голос сотрясал всю округу так, как если бы кричал сам Свамиджи, хотя в действительности он оставался в состоянии глубочайшего покоя, не затронутый миром и его возней». Однако такое описание тоже не стало бы точным и вклинивалось бы в повествование слишком грубо и нескладно. Поэтому я выбрал писать о нем так, будто действия его были действиями обычного человека, так мир обычно и воспринимает настоящего йогина. Надо полагать, так будет правильно.

Природа йоги и йогонов настолько не вмещается ни в какие понятия и рамки, настолько далека от того, что может быть осмыслено умом, что для того, чтобы лучше понять ее, стоит обратить внимание на жизнь йогина и процесс его ученичества, хотя и они далеко за пределами нашего жизненного опыта. Таким образом, большая часть этой книги рассказывает о совершенном ученичестве Шри Шивабалайоги,

а затем о его ученике Сину. Реализация высшего состояния йоги – окончательной цели любых человеческих стараний – становится естественным результатом столь совершенного ученичества, таким же естественным, как восход солнца после появления первых лучей и прорастание дерева из семечка. Результат неизбежно следует за приложенными усилиями.

Из названия книги ясно, что речь пойдет о Шри Свамиджи, одновременно идеальном ученике и идеальном учителе, а также – о Шринивасе, ученике Свамиджи, и о том, как милость Гуру привела его к благословенному состоянию Йоги.

Это не означает, что Сину был единственным учеником Шри Свамиджи. Духовная мощь Шри Свамиджи была столь огромной, а энергия и магнетическая аура столь сильными, что к нему приходили тысячи или даже миллионы людей. Из них многие принимали его как своего Гуру и посвящали ему и указанному им пути всю свою жизнь.

Немало историй могло бы быть написано о нем, и каждая отражала бы точку зрения одного из многочисленных учеников, но главная тема оставалась бы одной и той же – тема ученичества, представляющая собой многовековую индийскую традицию передачи знания от Учителя ученику. Порядок всегда один и тот же: подойти к Учителю со смирением и поклоном, скромно и серьезно задать разумные вопросы и служить ему так, чтобы его учение стало собственной жиз-

нюю. Именно такую историю я постарался рассказать в книге.

Эта книга появилась благодаря участию многих людей. Дорогой Баба Махарадж, Шри Шиварудра Балайоги, был главным творческим вдохновителем, который всегда щедро делился своим временем и поддержкой. Беседы с ним стали основным источником сведений.

Старший ученик Шри Шивабалайоги Махараджа генерал Ханут Сингх расспросил своего Учителя о событиях его ранней жизни и тапасе, все записал, расположил в хронологическом порядке и щедро поделился с нами в своей книге, на достоверность которой мы теперь и можем положиться. Все приведенные здесь истории взяты оттуда, и за это ему огромная благодарность. Рекха и Рахул из ашрама в Дехрадуне, посвятившие миссии свои жизни, сыграли огромную роль в сборе материалов и подготовке книги, внося важные и своевременные предложения. Дорис Брофи с Кэрол и Чарли Хопкинс также посвятили жизни служению миссии Свамиджи и Бабаджи и помогали редактировать текст. Моя дорогая жена Анасуя, посвятив себя этому проекту, была моим главным редактором и моей величайшей опорой. Всем этим людям выражаю свою безмерную признательность и благодарность.

Я молюсь о том, чтобы этот небольшой текст смог передать хотя бы малый отблеск окутывающей его невероятной духовной истории и послужил нам вдохновением для поиска божественного внутреннего Гуру.

Брюс Янг
Июль 2008 г.

Часть I

Гуру

Сатьяраджу в храме Бхимешвары

В храме Бхимешвары стоял маленький мальчик и молился Господу Шиве так же, как до него молился его отец, а раньше дед, а еще раньше прадед и прапрадед. Имеющий стены древний храм в Дракшарамам, словно часовой на посту, охранял город с незапамятных времен. По легенде, много-много веков назад махариши Вьяса установил здесь шивалингам, чтобы тот направлял и оберегал каждого, кто придет к нему. Поколение за поколением семья Сатьяраджу молилась перед защитником-шивалингамом, и в трудную минуту ноги мальчика сами привели его сюда.

«Дорогой Господь, пожалуйста, сделай так, чтобы моя семья поняла, почему я ухожу от мачехи, а значит, нарушаю обещание, данное отцом много лет назад. Пусть они увидят, что, поступая так, я просто следую принципам истины, которым меня учили с самых малых лет. Пожалуйста, помоги им понять, что мной руководит не просто ребяческий гнев, я поступаю так, потому что это правильно».

Сатьяраджу приходил разговаривать с Богом сюда, в этот

древний храм, считавшийся в Индии одним из самых святых мест, но даже здесь, в храме, он не мог избежать политических влияний этого мира и предпочитал общаться с Богом один на один, вместо того чтобы подчиняться мелочной тирании местного священника, подчеркивавшего свою принадлежность к высшей касте и считавшего себя «выше» и «лучше» других людей. Уже в таком юном возрасте Сатьяраджу терпеть не мог столь явную несправедливость и дискриминацию. Он не собирался признавать лжеиерархию и преклоняться перед ней. Он мог даже посмеяться над раздутым самомнением священника, выпрыгнув из засады и забрызгав его водой, когда тот возвращался после омовения, готовый для совершения ритуальных церемоний. А что значит обрызгать водой брахмана, который только что совершил священную очищающую процедуру? В глазах людей это означает «загрязнить» его прикосновением человека, принадлежащего к «более низкой» касте. Такой открытый бунт против привычной дискриминации и неравенства по отношению к людям не добавлял мальчику популярности среди остальной части деревни, но его это мало волновало. Справедливость есть справедливость, правда есть правда.

Он отказывался заходить на территорию священника в святая святых храма, где в гордом величии стоял Бхимешвара-Лингам. Вместо этого он оставался во внутреннем дворике храмового комплекса с восточной стороны, где мог спо-

койно поговорить со Сваямбху-Лингамом² под плотным навесом из фи́ги, нима и баньяна³, навеки заключившими Лингам в свои объятия. Здесь, под широкой кроной древних деревьев, Господь был всегда доступен для Сатьяраджу. Здесь он мог говорить с Господом напрямую, без посредников.

Жизнь с мачехой для мальчика стала невыносимой. И хотя было ему всего двенадцать лет, он мог отличить правильное от неправильного. Для того, кто никогда не пасовал перед встречавшимися на его пути трудностями и шагал по жизни под знаменем правды, не оставалось другого выбора, кроме как оставить дом мачехи и отправиться к себе домой. В храме он размышлял о своей недолгой жизни на земле. Он вспоминал рассказы о том, как его отец Бхимана женился на Шраване, но, к сожалению, Бог не благословил их детьми. Тогда Бхимана с разрешения Шраваны взял себе вторую жену, Парвати, и у них родились четверо детей. Сатьяраджу рос обаятельным ребенком, сообразительным и симпатичным, всегда готовым посмеяться, с умными глазами и пытливым умом, и постепенно у Шраваны в голове поселилась идея его усыновить. Так, когда мальчику исполнилось два года, она

² Сваямбху Лингам – букв. «Спонтанный лингам» – шивалингам, образовавшийся случайно, природным образом, без участия человека.

³ Дерево ним и баньян выросли и переплелись с огромным фиговым деревом. Три переплетенных дерева образуют навес над вторым Лингамом (Сваямбху Лингамом) в храмовом комплексе. Согласно индийской мифологии, богиня Дэви живет в дереве ним, Вишну – в дереве фи́га, а Брахма – в баньяновом дереве. Таким образом, считается, что здесь они живут все вместе.

попросила у Бхиманы и Парвати разрешения на усыновление Сатьяраджу, и те согласились.

Меньше всего сейчас мальчик хотел бы проявить неуважение по отношению к желанию отца. Он вспомнил то время, когда спустя несколько месяцев отец неожиданно заболел. Никто и подумать не мог, что он умрет. Он вспомнил тот день и свою мать, всю в слезах, почерневшую от горя. И хотя было ему всего два года, он помнил тот ужасный день очень хорошо: слезы, рыдания, стенания, пустота. Безжизненное тело отца лежало там. Они попрощались с Шраваной, которая вернулась к себе в свою деревню неподалеку, а Сатьяраджу оставили в то горестное время с мамой. Он помнил, как отец мамы Голи Сатьям пришел жить к ним.

Ах, дорогой дедушка, его самый близкий друг, всегда готовый выслушать и дать мудрый совет, всегда хваливший его за самое малое достижение, поддерживавший его во всех начинаниях. Сатьяраджу вспоминал, как каждый вечер они сидели вдвоем, он радостно перечислял деду все казавшиеся ему невероятно важными события, коих за день набиралось великое множество, а дедушка терпеливо слушал его, прежде чем дать совет, как поступить в ситуации или объяснить мотивы поведения других людей. Как он любил проводить это время с дедом – сидеть, обсуждать и анализировать прошедший день. Как много он узнал от дедушки о мире и о людях. Да и просто поболтать было здорово.

Он вспомнил первое возвращение Шраваны в Адивара-

пупету, когда ему было пять лет. Тогда она впервые попросила отпустить его жить с ней как ее сына, поскольку он уже подросток. Он видел, какими расстроенными были мама и дедушка, но все понимали, что священное обещание должно быть выполнено. Сейчас он нарушил обещание и собирался встретиться с ними – о, если бы они только смогли понять, каково ему было там! Тогда, в пятилетнем возрасте, он смог прожить у Шраваны только полгода, и как же тяжело ему было без мамы, дедушки, друзей и всей семьи и как он был счастлив, когда снова вернулся домой! Тогда они его поняли, решив, что лучше ему пожить дома, пока он еще маленький. Сатьяраджу надеялся, что и в этот раз они смогут понять его.

Воспоминания вернули его во времена учебы в школе, где он с огромной жадной, радостью и удовольствием познавал новое. Он помнил, как хвалили его усилия мама и дедушка, пророча ему большое будущее. То было едва ли не самое лучшее время: жизнь, наполненная вниманием обожающего деда, бесконечные игры и приключения с друзьями в буйных зарослях рисовых полей, окружавших деревню, в зеленых рощах кокосовых и пальмировых пальм. Даже работа на семейном ткацком станке перед уходом в школу не портила его жизнь, она дополняла, оживляла и разнообразила дни. Как сейчас он мог слышать в ушах клацающие звуки клинков, которыми они с ребятами сражались после школы, практикуясь в фехтовании дни напролет. Он слышал треск других предметов, которые они использовали, чтобы бросить друг

другу вызов и сразиться в поединке. Обычно он побеждал, потому что у него было оружие, которого больше ни у кого не было, – бесстрашие. Позже жизнь предложила ему новый поединок, и он снова проявил бесстрашие.

Он вспомнил, как увидел слезы на глазах своей матери. Он не хотел ее расстроить, он просто спросил, почему она не ест то, что приготовила.

– Мамочка, садись со мной поешь.

– Ты ешь без меня. Мне еще нужно сделать кое-какие дела, я попозже поем.

– Нет. Сядь со мной сейчас, мы никогда не едим вместе.

Он помнил, как она наложила еды в тарелку и сказала:

– Послушай, вот я себе положила, но мне сначала нужно закончить кое-какую работу. Ты обедай, а я поем, как только справлюсь с делами.

И она поставила тарелку в шкаф.

И если бы он не простоял два долгих часа, спрятавшись за дверью их домика из сырцового кирпича, он бы никогда не узнал, что это была та же тарелка, которую она предложила, когда он снова попросил поесть.

Лишь из любви к ней он спросил:

– Почему ты не съела то, что положила себе?

Увидев слезы, катящиеся по ее щекам, он остолбенел: «Как мог я так сильно огорчить маму этим простым вопросом?»

И снова помогла мудрость бабушки. Они сидели рядыш-

ком, Сатьяраджу спросил, что он сделал неправильно, и ответ определил дальнейшее направление его жизни.

– Сатьяраджу, мы бедные люди. После смерти отца твоя мама работает не покладая рук, чтобы прокормить вас всех. Но денег, которые она зарабатывает, все равно не хватает, и она лучше откажет в еде себе, чем оставит голодным кого-то из вас.

И хотя Голи Сатьям говорил об их тяжелом материальном положении, его слова, как всегда, расширили картину внука и привели к более глубокому пониманию вещей. Несмотря на бедность, Голи Сатьям никогда не считал их положение ни унижительным, ни несчастным – для него это было просто некое состояние. Он говорил:

– Бедность – это просто сложившееся положение дел и нет причины ее стыдиться. Упорный труд и честность могут преодолеть бедность. Нет нужды становиться жертвой этих обстоятельств, если у тебя есть воля и твердое намерение бросить им вызов. Если ты честен сам с собой, упорным трудом и честностью ты можешь победить яд под названием «бедность».

Желание и решительность

Это у него было. А еще было бесстрашие.

Наряду с советом работать усердно Голи Сатьям постоянно напоминал своему внуку о честности в обращении с этим миром, и внук в ответ воспринимал слова своего старшего друга как божественное предписание: «Человек должен жить честно и достойно, как бы трудно ему ни было. Любой ценой нужно противостоять нечестности. Во всех обстоятельствах нужно оставаться верным своим ценностям».

Это стало жизненным принципом Сатьяраджу: воля и твердое намерение, бесстрашие и честность. Это приведет его к успеху.

Именно это привело его в храм Бхимешвары, когда он понял, что больше не может оставаться у Шраваны. Он вспомнил, как она пришла за ним во второй раз, когда ему было восемь лет, и как он оставил милое пространство своей семьи, друзей, школы, чтобы снова вернуться в ее деревню. В Адиварапупете он обычно работал за ткацким станком до школы, а после школы бежал играть с друзьями. Здесь же мачеха забрала его из школы совсем, чтобы он мог работать за станком по многу часов, лишив его всякой возможности гулять с друзьями. Однако родители обещали его Шраване, и он оставался жить с ней. Соткать половину сари в день для ребенка его возраста было очень тяжело, но он продолжал

это делать из уважения к родителям. Он вспомнил жару, в которой ему приходилось работать. Ему было всего лишь восемь. Его заставили бросить школу ради работы, но он продолжал работать так, как было велено. И все это сделало его сильнее – и психически, и физически; он многому научился.

От Шраваны он узнал способы ведения бизнеса, о которых ранее не подозревал. К примеру, он понял, что если ткань продавать в отдаленных районах, где ее не так много, денег за нее можно выручить больше. Так просто. Если пойти на рынок к закрытию, нужный товар можно купить дешевле. Так легко. Да, она научила его этому и показала, как много он способен работать, и все это вместе, в свою очередь, укрепило его и без того сильные этические принципы в отношении работы и разбудило врожденный дух предпринимательства. В общем-то, кроме этого, он больше ничему у нее и не научился.

Все пришло к завершению, когда он узнал, что она торгует опиумом. Он вспомнил, как услышал об этом от друга – тот предупредил его, что представители властей идут к ним с обыском. Сатьяраджу помчался домой, Шравана тут же ему во всем призналась – так он хотя бы успел вынести наркотики из дома и спасти ее от беды. Она пообещала перестать торговать, и он почти ей поверил. Даже в восьмилетнем возрасте он поверил лишь отчасти. Когда она нарушила обещание и взялась за старое, это было уже слишком. Он мог смириться с бесконечной работой и изоляцией, он да-

же смирился с уходом из школы. Но вот так лгать, рискуя безопасностью, он не мог. По его мнению, занятие Шраваны было лишь быстрым и легким способом сделать деньги, не работая. Не таким он видел путь выхода из бедности. Совсем не таким. В том, что делала Шравана, не было ни воли, ни твердого намерения, ни бесстрашия, ни честности.

Когда он снова вернулся в Адиварапупету, мать с дедушкой поняли его. Возможно, благодаря милости Господа Бхимешвары они смогут понять его и сегодня.

– Я не вернусь назад в школу.

Память о катящихся по щекам матери слезах преследовала его.

– Я вытащу мою маму и семью из бедности. Я смогу это сделать благодаря усердному труду и честности!

И он стал работать еще больше. Дисциплину, которую раньше от него требовала Шравана, теперь он сам требовал от себя. Он удвоил свои усилия, проводя за станком все время, которое он мог бы проводить с ребятами в классе. Он продавал ткань по более высоким ценам, уезжая торговать далеко от дома. Стоя сейчас в храме, он вспоминал свой первый успех в бизнесе, когда в жаркие месяцы он начал продавать прохладительные напитки и шербет. Он вытащит свою семью из бедности!

Честность и тяжелый труд

У появившегося в деревне тантрика⁴ не было ни того, ни другого – и это раздражало Сатьяраджу. Вся деревня считала садху гением, высокодуховной фигурой. Но уже тогда, в своем столь юном возрасте – а ему еще и девяти не было – мальчик мог разглядеть притворство и лицемерие. Как важно расхаживал по деревне этот тщеславный напыщенный притворщик, пугая всех и каждого своими «силами»! Просто скандалист!

– Каждого, кто разозлит меня, я превращу в животное! – заявлял он.

«Хорошо, ловлю тебя на слове», – подумал Сатьяраджу.

Уверенный в том, что тантрик просто бахвалится, он решил подшутить над ним. Как громко тантрик кричал и ругался, когда мальчик спрятал его любимые лук и стрелы, а Сатьяраджу стоял рядом с ним, делал удивленный вид и подсказывал:

– Вы, наверное, можете использовать свои невероятные силы, чтобы отыскать пропажу. Лжец, и без того разгневанный, при этих словах побагровел:

– Когда я поймаю того, кто украл мои вещи, я превращу

⁴ Тантра – особая практика в индийской философии, предполагающая постепенное освобождение ума от влияния мира. Часто ее используют не по назначению для обретения сверхспособностей.

его в тигра!

Услышав это, Сатьяраджу сказал своему дедушке:

– Не волнуйся, даже если мне придется умереть, люди должны узнать о том, что стоит за этим хвастовством.

Он вернулся к тантрику и сказал, что лук и стрелы спрятал он.

– И если ты можешь превратить человека в животное, как ты всегда заявлял, то выполни обещание и преврати меня в тигра!

Столкнувшись с публичным обвинением, тантрик прибег к своему обычному оружию – впал в состояние безумного гнева, но Сатьяраджу при этом не превратился в тигра. Как бы громко ни вопил лжец, какими бы угрозами ни осыпал мальчика, тот по-прежнему оставался стоять в человеческой форме. С того дня мошенник больше никогда не грозился превратить кого-либо в животное, и деревня избавилась от его влияния.

Честность и бесстрашие

Они проведут через любые жизненные трудности.

Сейчас, стоя перед божеством, он вспоминал время, когда вернулся к Шраване в последний раз. Она тогда серьезно заболела, и семья решила, что ему нужно пожить в ее доме, чтобы обеспечить больной женщине уход и помочь выздороветь. Ему уже исполнилось двенадцать лет, он больше не был маленьким ребенком, и запугать его было не так-то просто. Он имел свое мнение, основанное на собственных принципах. Он прилежно ухаживал за Шраваной, и мало-помалу женщина пошла на поправку. Сатьяраджу свой долг выполнил. Она же снова начала торговать опиумом и, более того, стала критиковать его поведение.

Это было чересчур!

В тот вечер они сели ужинать, и она – женщина, наживавшаяся на страданиях других людей, – опять начала несправедливо на него нападать.

Резко поднявшись из-за стола, он вышел из дома.

– Я уйду назад в Адиварапупету. Ноги моей больше в этом доме не будет!

И вот, вспоминая прошедшие события, он снова просил Бога укрепить его, благословить на следование путем истины и даровать внутренний покой.

Успокоив ум, он продолжал свой путь в Адиварапупету.

По возвращении в деревню многие родственники, как он и предполагал, удивились столь неожиданному его появлению, ругали его и советовали немедленно вернуться назад. Но, выслушав рассказ мальчика, Голи Сатъям не только понял его точку зрения, увидев ситуацию в реальном свете, но и встал на его сторону. В конце концов, именно его учению неукоснительно следовал мальчик, и кому, как не деду, было стать его верной опорой. Благодаря его и материнской поддержке он выдержал осуждение остальных родственников и остался жить в Адиварапупете. В этом испытании вновь проявились его отвага следовать принятому решению, лицом к лицу встречая жизненные трудности, его преданность честности в любой ситуации и вера в то, что Бог всегда поддержит тех, кто идет путем правды.

Оказавшись дома в своей деревне, с мыслью избавить свою мать и семью от бедности он немедленно вернулся к многочасовой работе за ткацким станком. Постепенно в его голове начал формироваться новый план. Он помнил свой опыт удачных продаж прохладительных напитков и шербета и теперь подумывал о том, чтобы открыть свой магазинчик. Конечно же, он все обсуждал с дедушкой, и теперь, придя к нему и поделившись планом, не ожидал ничего другого, кроме обычной поддержки и одобрения. Каково же было его удивление, когда Голи Сатъям отнесся к идее негативно. Старик чувствовал, что для членов их общества подобное занятие было не слишком достойным, и предложил мальчи-

ку вместо этого поразмыслить над идеей стать со временем оптовым продавцом ткани, что казалось ему более подходящей перспективой для представителя их касты. Неодобрение дедушки по поводу открытия своего магазина произвело очень сильное впечатление на Сатьядраджу. И, понимая причины, он тем не менее был не вполне с ним согласен, чувствуя, что мнение дедушки основывается на обычных социальных предрассудках. Сейчас, по достижении возраста, когда он самостоятельно формировал свою систему ценностей, открытие магазина не казалось ему «неправильным» действием, а поскольку отнесение того или иного действия к «правильному» или «неправильному» определяло его отношение к последующим действиям, он не мог выкинуть идею о магазине из головы. Его внутреннее понимание бизнеса и торговли говорило ему, что дело обещало быть успешным.

Бесстрашие и твердое намерение. Тяжелый труд и честность

Однажды на прогулке он размышлял о своем плане и неожиданно нашел на дороге монетку. Он воспринял ее как благоприятный знак в пользу своей идеи. Думая, что это может быть проявлением божественного благословения, Сатъяраджу пошел играть с друзьями в шарик. Он был настолько удачлив в этот раз, что не проиграл ни одной игры и в конце дня оказался обладателем огромной кучи шариков. Продав их за пять рупий, он взял деньги и направился напрямик в храм Бхимешвары, где с благодарностью и почтением встал перед божеством и молился о том, чтобы Господь благословил его на дело, которое он задумал. Его единственным желанием было вытащить семью из состояния крайней бедности.

Собрав все выигранные деньги, он немедленно приступил к открытию маленького магазинчика, начав торговать овощами, биди⁵ и разной мелочовкой. Уже с первых дней успешность предприятия не вызывала сомнения. Опираясь на свое понимание бизнеса, он решил, что будет производить биди из сырья самостоятельно и тем самым увеличит доход. При-

⁵ Низкого сорта сигареты, скрученные вручную, популярные в сельской местности в Индии.

ходя на рынок к закрытию, он покупал нужные ему для производства ингредиенты по самой низкой цене и получал еще больше прибыли. Вырученные деньги он снова вкладывал в свой бурно развивавшийся бизнес, чтобы как можно быстрее помочь семье. Скоро его магазин стал приносить доход, не сравнимый с тем, который когда-либо мог быть получен от ткачества. Его вклад в семейный бюджет был бесценным, и он стал главным кормильцем семьи. Успех от осуществления его плана и рост предприятия вселили в него уверенность. Он хотел только одного: расширить свое дело до таких размеров, чтобы у его семьи исчезли все материальные проблемы. Его врожденные деловые качества и коммерческая жилка наконец начали приносить дивиденды, и будущее его предприятия рисовалось в розовом свете.

Пришло время, когда его планы и усилия стали давать плоды.

Посвящение

Несмотря на долгожданный успех в делах и надежду, которую он давал Сатьяраджу и его семье, через несколько месяцев после того, как мальчику исполнилось четырнадцать лет, он вдруг начал чувствовать некую происходящую с ним перемену. Он стал больше искать уединения, и это при его-то прежней общительности! Он раньше спорил по любому поводу и всегда имел хороший аппетит, а теперь не только стал есть меньше, но перестал употреблять мясо – оно стало ему противно. Из задиры он превратился в спокойного, тихого подростка, сидящего где-нибудь в углу и погруженного в свои мысли. Он все так же продолжал прилежно выполнять свои обязанности, поэтому окружающие не замечали происходящих в нем перемен. Его дедушке в соседнем городе предстояла операция из-за катаракты, и когда Голи Сатьям с мамой покидали дом, все, казалось, шло обычным ходом. Так незаметно наступил самый знаменательный день 7 августа 1949 года.

Парвати с Голи Сатьямом отсутствовали вот уже более недели, и в воскресенье, легко позавтракав, Сатьяраджу пошел играть с друзьями в шарики. Удача ему сопутствовала, и он выигрывал одну игру за другой. Проведя все утро за этим невинным занятием, он проголодался и к обеду вернулся домой поесть. Пока он в нетерпении ожидал обеда, за ним за-

шел приятель и предложил пойти на канал купаться. Хозяйничавшая на кухне сестра сказала, что приготовление обеда займет еще какое-то время, и он согласился. Прибыв на место, они увидели, что игра в шарики в самом разгаре, и Сатъяраджу снова начал играть. Как и прежде, ему везло, он постоянно выигрывал. Через какое-то время чувство голода снова напомнило о себе и, взяв выигрыш, он купил на него сэндвич в ближайшем магазине.

Немного утолив голод, Сатъяраджу отправился с друзьями поплавать в канале неподалеку, как делал это тысячу раз раньше. Когда они проходили мимо рощи пальмировых пальм, три плода случайно упали с деревьев. Несколько ребят побежали к деревьям, забрали ценный приз и, счастливые, вернулись к остальным. Обрадованные удачей, мальчики стали думать, как разделить добычу. Поскольку Сатъяраджу естественным образом воспринимался как лидер, вопрос ответственности за справедливый раздел лег на него. По случаю в группе оказалось двенадцать человек, и потому можно было легко разделить плоды на четвертинки и раздать каждому. Как обычно, присев на корточки, он взял в руки свою четвертинку и начал выдавливать из нее вкусный вязкий сок.

Вдруг он почувствовал, как его тело охватила неконтролируемая дрожь. Не отводя взгляда от фрукта в руках, он с изумлением услышал доносящийся из него глубокий резонирующий звук «Ом», а потом увидел идущий от него осле-

питательный яркий свет. Когда неземной сияющий свет и божественный звук полностью омыли его, дрожавшего и загнипотизированно смотрящего на фрукт, дрожь прекратилась, а ум затих и успокоился. Не отрывая взгляда от фрукта, он наблюдал за тем, как тот, по-прежнему излучая ослепительный свет и издавая божественный звук, превратился в черный Шивалингам. Затем великолепный Шивалингам распался на две половины, и на его месте возникла фигура высокого человека в облачении джангама риши⁶. Человек был невероятно высоким, красивым, с сияющими, очаровывающими глазами. Спутанные волосы были забраны наверх, как у древних мудрецов, а на широкой груди красовалось ожерелье из семян рудракши с кулоном в виде Шивалингама. Его окружало чудесное свечение.

Прекрасная сияющая фигура полностью завладела вниманием Сатьяраджу. Мудрец велел ему сесть, но мальчик с привычной прямоотой и мужеством, которые и в этот момент не покинули его, тут же спросил:

– Почему ты хочешь, чтобы я сел?

Фигура просто повторила свой приказ:

– Сейчас же садись в падмасану.

– Я не знаю, как сидеть в падмасане, – откровенно признался Сатьяраджу.

После этих слов мудрец крепко взялся за ноги юноши,

⁶ Джангама риши – букв. «вечное существование» – сообщество странствующих монахов, поклоняющихся Господу Шиве.

сложил их в позицию лотоса и велел закрыть глаза. Все еще не понимая, что происходит, мальчик спросил:

– Зачем нужно закрывать глаза?

На это фигура ответила:

– Сначала закрой глаза, а потом я тебе скажу.

Сидя в позе лотоса, мальчик послушался приказа и закрыл глаза. Мудрец наклонился к нему, коснулся средним пальцем руки межбровья Сатьяраджу и сказал:

– Смотри внимательно сюда, – и легонько постучал по макушке головы.

Это действие тут же произвело на мальчика глубочайший эффект: его ум полностью остановился, он перестал осознавать свое тело и окружающую обстановку, будучи в состоянии воспринимать лишь снова возникший перед ним черный Шивалингам, окруженный ослепительным сиянием, как и прежде, сопровождаемый резонирующим божественным звуком «Ом». Он сидел абсолютно неподвижно: его тело и ум пребывали в полном покое, а внимание было полностью поглощено находящимся перед ним божественным видением, купающимся в восхитительных вибрациях. Ничто другое – ни звук, ни картинка не могли проникнуть в него – совершенный образ овладел его сознанием без остатка.

Его друзья ничего этого не видели. Они с удовольствием съели свои фрукты, начали играть и лишь какое-то время спустя заметили, что Сатьяраджу сидит один со скрещенными ногами в позе лотоса, умиротворенно прикрыв глаза, и

явно не осознает ни их присутствия, ни чего-либо вокруг. Думая, что он в шутку притворяется садху, они начали его звать, потом закричали. Видя, что он никак не реагирует, они взялись его трясти, даже побили его, но он по-прежнему неподвижно сидел в йогической позе. Они принялись тянуть его за руки и ноги, но он не шевелился. Включившись в игру по полной, дети намазали его тело липким соком пальмового фрукта, затем вымазали в грязи, но от неподвижного тела все так же не было никакого отклика. Все еще считая, что он притворяется, они собрались вокруг него, отнесли в канал реки и опустили в воду. Когда и за этими их действиями не последовало никакой реакции, они стали подозревать, что происходит что-то очень странное. Его лицо светилось покоем, какого раньше им не доводилось видеть ни у кого. Это вовсе не было похоже на обычные детские шалости.

Подвергнув его по неведению всем этим испытаниям, они поняли, что он находится в необычном состоянии сознания, хотя тело оставалось живым. Не зная, что думать и что предпринять, они решили обратиться за советом к взрослым и бросились в деревню к родственникам Сатьяраджу. Несколько людей из деревни вместе с его дядей отправились на место происшествия, но так же, как и дети, ничего не поняли. У каждого было свое мнение и множество предположений. Один из жителей деревни решил, что Сатьяраджу одержим духом и, чтобы выгнать его из тела, нужно хорошенько поколотить мальчика. У него в руках была короткая палка,

которой он и начал его бить. Сатьяраджу не осознавал происходящего, так же как не осознавал предыдущих действий детей: Шивалингам целиком и полностью поглотил его осознанность.

Лишь по чистой случайности один из ударов пришелся по межбровью как раз в том месте, где мудрец коснулся его своим пальцем во время посвящения. Это несколько ослабило концентрацию ума на Лингаме – настолько, чтобы мальчик смог осознать свое окружение, хотя и довольно смутно. Главным фокусом его внимания все так же оставался сияющий Лингам. Сумев выделить из толпы собравшихся своего дядю, он попросил у него дхоти, чтобы переодеть шорты, в которых он был. Дядя дал Сатьяраджу имевшийся у него небольшой кусок материи, и мальчик сделал из нее капину (набедренную повязку). Когда он встал, чтобы переодеться, люди вокруг него воспользовались моментом, подхватили его под руки и повели домой. Мальчик не пытался убежать или оказать сопротивление, казалось, он все так же плохо осознавал происходящее и просто позволял событиям разворачиваться. Было удивительно, насколько спокойным и покладистым стал этот вечно задиристый мальчуган.

По пути домой попытки выяснить, что произошло, возобновились с новой силой. Мальчика забросали вопросами: может быть, им овладело местное деревенское божество или злой дух? Может быть, он решил стать садху? Или он повредился умом и «съехал с катушек»? Он не отвечал ни на один

из вопросов, едва ли сознавая действительность, будучи поглощенным видением великолепного Лингама, остававшегося центром притяжения его внимания, несмотря на суматоху вокруг. Процессия вместе с мальчиком дошла до дома, но тут выяснилось, что он не может войти внутрь: его ноги стали жесткими и совершенно не гнуцимся, и он не мог преодолеть даже невысокие ступеньки. Его подняли и перенесли через них, но тут возникло новое препятствие: ноги мальчика уперлись в дверной проем и никак не хотели менять своего положения. Как народ ни старался, ни сдвинуть его ноги, ни согнуть их в коленях у них не получалось. Промучившись около часа в попытках хоть как-то впихнуть его в дом, они наконец сдались, признав, что это просто физически невозможно. Чтобы не привлекать еще большее количество зевак, уже и так сильно увеличившихся числом, решено было оставить мальчика на веранде.

С появлением новых зрителей возникли и новые объяснения случившегося: кто-то по-прежнему считал его одержимым, кто-то решил, что он помешался, кто-то был уверен, что мальчик просто-напросто притворяется и водит всех за нос. И только один старик в толпе понял истинную причину состояния, которому все они стали свидетелями, – он увидел, что произошло божественное преображение Сатъяраджу в йогина. Все остальные продолжали выдвигать свои версии и рассуждать о том, что же делать дальше. Маленькие деревеньки не богаты на события, поэтому этот случай, есте-

ственно, стал предметом общих пересудов и внес разнообразие в незатейливую жизнь деревенских жителей. Еще в течение нескольких часов народ не расходился, обсуждая и пересказывая случившееся, но уже к вечеру чувство новизны исчезло вместе с разошедшимися по домам соседями и только самые стойкие остались на месте в предвкушении новых событий. Ситуация была настолько необычной и неожиданной, что предсказать, что произойдет дальше, было невозможно. Постепенно ночь опустилась на деревню, усыпив жителей и заставив их временно забыть о ежедневных заботах. Заснули один за одним и те, кто остался рядом с мальчиком. Хотя сознание Сатъяраджу все так же было поглощено видением восхитительного Лингама и резонирующим божественным звуком «Ом», в его уме возникла мысль о том, что ему нужно вернуться на берег реки, где произошло посвящение. Тихо встав со своего места, он пошел назад к реке, туда, где все случилось, и снова сел в падмасану. На этот раз его глаза не хотели закрываться, и он продолжал сидеть с открытыми глазами, оставаясь полностью сконцентрированным на сияющем Шивалинге, по-прежнему находящемся перед ним. Спустя короткое время начался ливень, но ничего не изменилось: он все так же сидел, не шевелясь, погруженный в безмолвное созерцание Лингама. Проливной дождь шел всю ночь, но он не покинул своего места. Его погружение в созерцание великого и зачаровывающего символа было настолько тотальным, что в уме даже не возникло мысли о том, чтобы

перебраться куда-либо под навес.

Утром жители деревни снова пришли к дому Сатьяраджу, чтобы проведать его, и, не обнаружив мальчика на месте, бросились на поиски. Они нашли его сидящим на земле на берегу канала реки, умиротворенного и спокойного, не обращающего внимания на ливень, хлещущий по неприкрытому телу. Жители деревни, собравшись вместе, перенесли его под баньяновое дерево и устроили что-то вроде зонта из пальмовых листьев, чтобы хоть как-то защитить от непогоды.

Начавшийся ночью проливной дождь не прекращался в течение дня ни на минуту, а мальчик так и оставался сидеть с открытыми глазами на том месте, где его оставили под деревом и импровизированным зонтом. Он продолжал безотрывно созерцать Шивалингам, и ничто не могло его потревожить. Он видел происходящее вокруг – кто-то предлагал ему молоко, кто-то переносил его под дерево и строил навес, кто-то приходил и уходил, но все это существовало лишь на поверхности ума, не затрагивая его внимания, полностью погруженного в созерцание живого и вибрирующего Лингама. Все остальное казалось нечетким, неважным и ненужным.

Пришла ночь, жители деревни разошлись по домам, и он остался сидеть под деревом один. Несколько проходящих мимо мальчишек с удивлением услышали доносящийся откуда-то божественный звук «Ом». Они побежали в деревню за взрослыми, некоторые из которых тоже слышали этот

звук, и оказалось, что звук идет из того места, где сидит Сатъяраджу. Примерно в течение часа они ждали, слушая и наблюдая за резонирующим гудением «Ом», пока в конце концов звук не стих. После этого они подошли к неподвижной фигуре мальчика и снова перенесли его в дом. Сестра Сатъяраджу предложила ему попить молока, он выпил, лег и спокойно заснул.

Поутру сестра приготовила ему легкий завтрак. Он покушал, после чего перед ним снова появилось видение Шивалингама в сопровождении звука «Ом», которое овладело его вниманием целиком и полностью. Он покинул дом и направился к берегу реки, где у него неожиданно открылись сильная рвота и диарея. Через какое-то время симптомы исчезли, он сел и продолжил медитацию. Несколько деревенских жителей все утро и весь день строили для него укрытие из листьев пальмиры, а когда работа была закончена, пригласили его перейти на новое место, чтобы защитить его от непогоды. И хотя Сатъяраджу едва осознавал происходящее, поскольку все внимание было сосредоточено на чудесном образе Лингама и окутывающем его вибрирующем звуке «Ом», он без сопротивления, спокойно перешел в укрытие и сел там.

В течение этих нескольких знаменательных дней мама и дедушка мальчика находились в городе по соседству. Они и представить не могли, что в это время происходит с их ребенком и какое с ним случилось преобразование. Вернувшись вечером домой и услышав рассказы соседей, они бросились

к указанному месту и увидели Сатьядраджу, молча сидящего со скрещенными ногами, погруженного в глубокую медитацию. Его лицо было спокойным и умиротворенным. Они в расстройстве подбежали к нему, начали его звать, пытаясь отвлечь от медитации, но все его внимание принадлежало находящемуся перед ним образу Шивалингама. В ужасе от происходящего, Парвати громко зарыдала и, словно обезумев, начала снова и снова выкрикивать его имя. Инстинктивно схватив его в объятия, она начала раскачивать его вперед-назад, умоляя его вернуться к ней.

Ее крики и плач мало-помалу вернули его к действительности, и Парвати стала его уговаривать пойти домой. Однако опыт прошедших дней очистил ум Сатьядраджу от представлений о родственных связях и мирских обязанностях – мир больше не казался ему реальным, и он отказался вернуться домой, заверив мать в своем желании остаться и продолжить открывшийся ему путь. Спокойно и доброжелательно сказав об этом матери, он снова вернулся к медитации, и на этот раз никакие уговоры или протесты не могли вырвать его из божественных объятий.

Голи Сатьям, услышав о том, что внезапно приключилось с его дорогим внуком, также бросился к нему со всех ног, чтобы отвести домой, но, увидев, насколько спокойно мальчик принял свою судьбу, успокоился и благословил Сатьядраджу во всех его начинаниях. Зная силу его намерения, непреклонность и упорство в достижении цели, Голи Сатьям

не сомневался, что мальчик не свернет и пройдет путь до конца. Но, будучи самым близким его другом на протяжении многих лет, он не мог сейчас скрыть своего разочарования относительно их общих надежд на улучшение материального положения семьи и сказал об этом Сатьяраджу. По-прежнему смутно осознавая присутствие родственников, мальчик пообещал им, что все будет в порядке, и снова впал в глубокую медитацию.

*В воскресенье, 7 августа 1949 года,
Сатьяраджу было ровно четырнадцать лет, шесть ме-*

сяцев и четырнадцать дней.

Ничто прежде не предвещало необычайных событий того достопамятного дня, в результате которых обычный деревенский мальчишка превратился в бала-йоги (мальчика-йогина), которому в конечном итоге, после 12-летнего тапаса, предстояло стать сиддха-пурушей и дживан-муктой, который известен миру под именем Шри Шри Шри Шивабалайоги Махарадж.

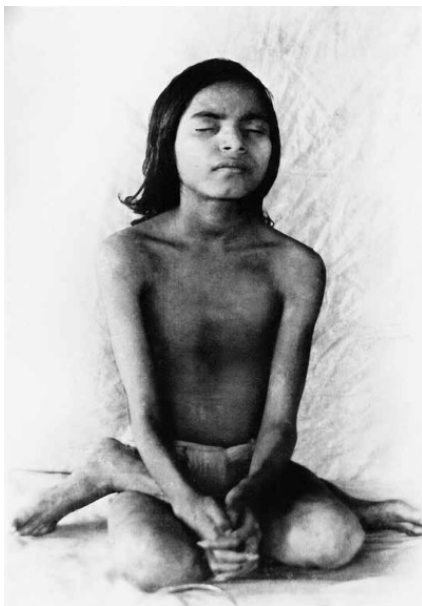
Начало тапаса, 1949 г.

Бала-йоги Сатьяраджу 14 лет

Худо ли бедно ли, Голи Сатьям принял случившееся и смирился с ситуацией, чего нельзя было сказать о Парвати: она оставалась в тяжелом удрученном состоянии – все надежды, которые она возлагала на сына, рухнули в один миг. У нее просто в голове не укладывалось, как такое могло случиться. Она сидела в оцепенении, и лишь неподвижное тело то и дело взрывалось рыданиями при очередном взгляде на сына. Посидев так еще какое-то время, она снова посмотрела на сына и с удивлением обнаружила, что на его месте сияла форма *Тримурти*⁷ – бога в форме Брахмы, Вишну и Махешвары. Подумав, что это ей привиделось, она протерла глаза и посмотрела снова, но окруженное сияющим светом великолепное видение никуда не исчезло. Тогда Парвати осо-

⁷ «Три лица». Бог в форме божества с тремя лицами: Брахмы, Вишну и Махешвары, олицетворяющими Создание, Сохранение и Поглощение Вселенной.

знала необычность случившегося и поняла, что то был божественный промысел. Ее ум успокоился и затих, она поверила, что произошедшая с сыном перемена была истинным святым благословением, которое и дальше будет ему помогать и защищать.

Второй год тапаса.

1950 г.

Бала-йоги Сатьяраджу 15 лет

Вздыхнув с облегчением, она вернулась домой, уверенная

в том, что теперь о ее сыне будет заботиться высшая сила. В течение нескольких следующих дней она продолжала приходить к нему, пытаясь покормить или быть чем-то полезной, но возвращавшийся время от времени к обычному, хотя и неполному, сознанию сын уверил ее в отсутствии необходимости посещения. В конце концов она смирилась, предоставив всю заботу о сыне высшей силе. Божественное проявляло себя через человека, который в день посвящения бил Сатьяраджу палкой, полагая, что в него вселился злой дух. Теперь же он считал себя обязанным заботиться о мальчике. Конечно же, он плохо представлял, в чем нуждаются люди в подобных обстоятельствах – да и кто может это знать? – и, к сожалению, полагал, что человек, находящийся в медитации, может поглощать нужные ему вещества из эфира и потому не слишком нуждается в земной пище. Мальчик же, продолжая оставаться в состоянии глубокого погружения и осознавая происходящее очень смутно, никакими мирскими вопросами, включая питание, не интересовался, и поэтому легко согласился на предложение того человека. Таким образом, тот деревенский житель, исходя из лучших побуждений, начал урезать его и без того скудные порции фруктов и молока, пока не перестал кормить его совсем.

Однако когда Парвати услышала об этом, она, естественно, расстроилась и пришла к Сатьяраджу, чтобы просить его выпить хотя бы немного молока, которое она принесла с собой. Он пассивно принял предложенное молоко, восприни-

мая происходящее как божественную игру.

С самого начала, когда все его внимание было приковано к видению Шивалингама и радостно-умиротворяющему звуку «Ом», мудрец велел неотрывно «смотреть сюда», в область межбровья. Следуя его наставлениям, мальчик продолжал просто смотреть. Видения появлялись и исчезали, но он продолжал смотреть, не вовлекаясь в сюжеты, как было велено, и видения постепенно начали исчезать. Его охватило чувство высочайшего счастья и покоя.

Его ежедневная садхана была очень интенсивной: весь день и всю ночь он оставался погруженным в медитацию, лишь на час прерываясь в полночь для того, чтобы совершить гигиенические процедуры в канале поблизости и немного перекусить перед возобновлением медитации. Далеко не всегда рядом с ним находился кто-то из друзей – жителей деревни были свои ежедневные хлопоты, а потому его тело было предоставлено самому себе и являлось хорошей мишенью для тех, кто хотел бы этим воспользоваться. Раньше он был очень открытым и прямолинейным и никогда не боялся выступить против людей, ведущих себя неподобающим образом, поэтому у него было много друзей из тех, кто был предан истине и чести, но хватало и недоброжелателей, чьи слабости и недобропорядочность стали известны в деревне благодаря ему. И теперь, когда его тело было столь уязвимым, имевшие на него зуб, да и просто злые по своей натуре люди не гнушались ничем. Не раз и не два при-

ходилось ему переносить побои, а однажды в него даже бросили горящую тряпку, облитую керосином, которая сильно обожгла его ногу. Несмотря ни на что, он продолжал медитировать, и лишь в полночь, возвращаясь в обычное состояние сознания, испытывал сильнейшие боли. Все остальное время его сознание не присутствовало в теле, не говоря уж о каких-то мирских вещах.

Очень скоро деревня разделилась на два лагеря: часть жителей поверила, что с мальчиком произошло преобразование, превратившее его в святого человека, достойного поклонения, а вторая была уверена в том, что он просто притворяется, устраивая шоу. Конечно, этот спор мог разрешить только авторитетный человек, разбиравшийся в подобных вещах, и потому один из жителей деревни обратился за помощью к жившему неподалеку пандиту⁸. Однажды ночью они вдвоем пришли на место, где медитировал Сатьяраджу, когда там больше никого не было. Чтобы проверить подлинность медитации, они стали дергать его за ноги, стараясь нарушить позу лотоса. Им это удалось, но тело оставалось инертным. Тогда пандит попытался открыть один глаз мальчика. Когда и на эти его действия тело не отреагировало, оставаясь погруженным в глубокую медитацию и явно не осознававшим происходящее вокруг, пандит понял, что притворства здесь не было и в помине и что он стал свидетелем чудесного божественного феномена. Упав к ногам мальчика, он попросил

⁸ Пандит – знаток индийских священных писаний.

у него прощения, а затем, найдя Парвати, заверил ее в том, что ее сын был благословенной душой, пребывавшей в истинной медитации, достойной почтения. Он попросил ее и дальше проявлять заботу о нем.

1951 г.

1952 г.

1951 г.

Свидетельство пандита быстро разнеслось по деревне, и сомневающиеся в большинстве своем перешли на сторону первого лагеря. Тем не менее хватало и тех, кто не хотел забывать свою обиду или просто был не прочь поиздеваться над незащищенным человеком, и потому нападки и избиения продолжались. Ум Сатьяраджу был настолько вовлечен в медитацию, что он не осознавал ничего в момент, когда это происходило, и начинал чувствовать боль от ран и ушибов на своем теле, лишь когда возвращался в более или менее обычное состояние вечером. После нескольких недель таких испытаний он решил искать убежища от отвлечений подобного рода в Пасалапуди-ашраме в соседней деревне. Управляющий ашрамом спросил мальчика: «Какую садхану ты практикуешь?» Поскольку Божественный Гуру никогда не давал название его технике, а его собственный ум был настолько тих, что практически не мог мыслить в «обычных» категориях, то ему не оставалось ничего другого, как ответить: «Я не знаю». Управляющий решил, что он не занимается никакой определенной практикой, и потому велел ему непрерывно повторять мантру Садгуру. «Посвятив» таким образом своего подопечного, он оставил мальчика и вернулся к себе в кровать. Вернувшись лишь на следующее утро, он спросил: – Ты повторял мантру, которую я тебе дал? Будучи погруженным в дхьяну, мальчик мог дать толь-

ко короткий отрицательный ответ. Усмотрев в ответе неповиновение, управляющий обиделся и вообще перестал обращать внимание на юного садхака. Позже этим же утром ашрам посетил глава местного деревенского совета, но, не удостоившись поклона новоявленного ученика (по-прежнему занятого садханой), тоже затаил обиду. Подавив свою гордость, он спросил мальчика, что тот будет есть.

– Сейчас я только пью молоко.

– Мы не можем дать тебе молока. Возможно, будет лучше, если ты покинешь это место, – последовал грубый отказ.

Итак, не получив помощи от руководства ашрама, он снова вернулся в Адиварапупету, но стал сидеть под большим баньяном на свободном участке земли, принадлежащем его дяде. Несмотря на это, нападения продолжались, и через несколько недель он стал искать новое место, где бы его не отвлекали. На этот раз он выбрал деревенский погост, решив, что из-за страха перед кладбищем, особенно ночью, когда совершалось основное количество нападений, жители деревни не будут его беспокоить и он сможет спокойно медитировать. Так оно и получилось, но испытания на этом не закончились: вместо людей на него теперь нападали муравьи, скорпионы, насекомые и крысы, кусавшие и оставлявшие раны по всему телу. В конце концов в одну из ночей, когда он шел к каналу для совершения ежедневных гигиенических процедур, лежавшая на дороге ядовитая кобра взметнулась,

бросилась на него и укусила. Сначала Балайоги⁹ не обратил на укус внимания: сходил, как обычно, на канал, совершил омовение и, вернувшись на место, приступил к медитации. Однако вскоре яд начал действовать: изменился цвет кожи, тело начало испускать зловонный запах и страшные боли охватили все тело. Похоже, именно это событие стало последней каплей, когда он решил, что с него довольно. С той же твердостью, с которой мальчик действовал обычно, он поднялся со своего места, намереваясь прекратить практику и вернуться домой к нормальной жизни. Он ведь никогда сознательно не выбирал путь йогина, а лишь повиновался указаниям, полученным при посвящении.

⁹ Бала – юноша. Йоги – идущий путем йоги, ищущий воссоединения ума с его изначальным источником, Истинным Я.

Седьмой год тапаса.

Итак, он встал, собираясь отправиться домой, но в этот же момент дорогу ему преградила фигура его учителя.

– Куда ты идешь?

– Я возвращаюсь домой! – заявил юный ученик.

– Почему ты возвращаешься домой? – продолжала спрашивать его высокая фигура.

Получив возможность объясниться, мальчик рассказал о трудностях и физическом насилии, которые ему приходи-

лось переносить с самого начала садханы. Он рассказал о том, как страдал от деревенских обидчиков, как его кусали насекомые и грызуны на кладбище, а потом еще этот укус ядовитой змеи – больше так продолжаться не могло, и он решил вернуться домой к своей семье. Гуру внимательно и терпеливо выслушал его жалобы и объяснения, а после этого твердо сказал ученику:

– Ты рожден для того, чтобы продолжать этот тапас в течение двенадцати лет, и моя миссия заключается в том, чтобы помочь тебе дойти до конца. После этого ты можешь идти куда хочешь и делать что хочешь.

1953 г.

1955 г.

≈ 1957 г.

≈ 1959 г.

Затем учитель дал ему мантру, способную нейтрализовать действие змеиного яда. Осознав свой долг и ответственность перед гуру, Сатьяраджу снова вернулся на свое место на кладбище и сел в медитацию с непоколебимым намерением пройти весь двенадцатилетний цикл:

– Я выполню эту задачу или умру. Ничто больше не сможет остановить меня.

Он начал читать мантру, указанную гуру, и вскоре погрузился в глубокую медитацию. Позже, вернувшись к обычному состоянию сознания, он заметил, что воздействие яда на организм заметно ослабло и он стал чувствовать себя намного лучше.

*Одиннадцатый год тапаса.
≈ 1960 г.*

Слух о том, что парню удалось избежать смерти от укуса смертельно ядовитой змеи, распространился по деревне, и постепенно слава о мальчике по имени Балайоги из Адиварапупеты вышла за пределы селения. Как следствие, к нему на даршан стали приходить жители дальних деревень и начали появляться возможности улучшения места его медитации. Так через несколько месяцев появилось что-то вро-

де помоста с покрытием, чтобы кладбищенские насекомые и грызуны больше не беспокоили Сатьяраджу. Еще через какое-то время помост был заменен более основательным дхьяна-мандиром (храмом для медитации), построенным на прилегающем участке. Садхак переехал в него. Он закрылся на ключ, так что никто не мог потревожить его, как прежде. Ключ хранился у матери Сатьяраджу, которая ежедневно приходила к нему со стаканом молока и проверяла его во время тапаса. На протяжении всего периода аскезы его мать Парвати, преданная и любящая душа, заботилась о нем и беззаветно ему служила. И хотя она дала ему при рождении имя Сатьяраджу и воспитывала его под этим именем, после явления ей образа Тримурти она стала относиться к своему сыну как к благословенной божественной душе, выполняющей высокую миссию, смиренно поддерживая и помогая ему, чем только можно, во все дни его двенадцатилетней садханы. Зная его много лет как собственного сына, она в какой-то момент ясно осознала грандиозность случившегося с ним и безоговорочно приняла на себя роль его слуги.

Теперь Балайogi находился в более благоприятном окружении по сравнению с тем временем, когда его били жители деревни и кусали насекомые и животные. Мандир стал его убежищем, где его никто не трогал, и хотя в комнатке было очень жарко и душно – жара в Южной Индии это то еще испытание, – убежище прекрасно служило своей цели. Каждые несколько месяцев к нему являлся Гуру, чтобы подбодрить

своего ученика, дать ему указания по практике или помочь в преодолении его трудностей. Иногда садхаком овладевало легкое уныние, и тогда учитель приходил, чтобы поддержать и вдохновить его.

Непрекращающаяся изнурительная медитация в течение двадцати трех часов ежедневно и отсутствие движения начали сказываться на растущем теле подростка Балайоги. Даже для взрослого человека последствия столь длительной неподвижности могут быть очень серьезными, что же говорить о молодом организме в фазе активного роста! Во время медитации он не осознавал ни своего тела, ни связанных с ним болей, но как только он возвращался в обычное состояние сознания, тут же вся боль от долгого сидения пронзала каждую клетку его тела. Дошло до того, что из-за тугоподвижности суставов и нестерпимой боли он не смог ходить на канал и совершать омовение. Тогда было решено оставлять у его жилища каждый день ведро воды. Однако через какое-то время его конечности стали настолько жесткими, негнуцимыми и болезненными, что для преодоления даже столь малого расстояния ему требовались вся его воля и все силы. Ему стало трудно совершать простейшие движения, он едва мог есть и мыться. Преодолевая трудности, он продолжал свою длительную медитацию и ежедневно самостоятельно ухаживал за телом, как бы тяжело и болезненно это ни было.

Дхьяна-мандир (храм для медитаций) в Адиваранупете, где Свамиджи практиковал тапас в течение 12 лет

Слух о его длительном тапase продолжал распространяться все дальше и дальше, и в январе 1951 года его посетил известный святой Свами Вишнудхама, которого люди с почетом называли Тапасвиджи Махарадж в знак уважения к многочисленным практикам, которыми он занимался. Старый святой жил в ашраме в соседнем городе Какинада. По-

чувствовав потребность в даршане Балайоги, он пришел к нему в дхьяна-мандир в Адиварапупету. Чистая сердцем и душой мама мальчика открыла дверь святому и впустила его внутрь к Балайоги, пребывающему в состоянии самадхи¹⁰. Святой был настолько впечатлен даршаном, что возвращался к юноше еще несколько раз, желая поговорить с ним. Однако разговора не случилось, так как Балайоги постоянно был погружен в медитацию и не осознавал присутствия святого. После одного из таких визитов святой сказал своим ученикам, что Балайоги был сиддхапурушей¹¹, воплощенным ради блага человечества, и Тапасвиджи сам был его учеником в предыдущей жизни. Эти слова, сказанные почитаемым старцем, еще больше укрепили репутацию Балайоги.

Однажды ночью, когда Сатьяраджу вышел из самадхи, его мать рассказала ему о визитах великого святого, и юный тапасвин с готовностью согласился встретиться с ним. Решено было устроить встречу в то время, когда Балайоги не был погружен в медитацию и разговор мог состояться. Во время этой встречи великий святой Тапасвиджи сделал простираание перед юношей и с огромным почтением положил ему к ногам цветы. На протяжении последующих нескольких лет святой продолжал публично восхвалять и превозносить его, а также разными способами поддерживать его тапас.

¹⁰ Самадхи – «неподвижность ума». Состояние безмыслия, в котором присутствует только осознанность. Ум втянут обратно в истинное Я.

¹¹ Сиддхапуруша – «совершенная душа».

Как-то раз Сатьяраджу узнал, что некоторые из деревенских смеются над ним из-за того, что он выпивает по стакану молока в день – ведь в древних священных текстах так поэтично рассказывалось о том, что святые раньше обходились без еды и воды на протяжении всех своих тысячелетних тапасов, и, естественно, были те, кто воспринимал эти слова буквально. Услышав такое, Балайogi наотрез отказался пить молоко, и его тело не замедлило отреагировать страданием. Посетивший его Тапасвиджи посоветовал ему никого не слушать и не ставить свое тело под удар, а вместо этого продолжать пить молоко, как и раньше. Под руководством Тапасвиджи мандир несколько усовершенствовали, чтобы в нем было не так душно; нашли корову специально для питания юноши; святому даже довелось послужить Балайogi, прикладывая травяные масла к телу юноши, когда у того однажды случился сильный жар. Он также делал ему массаж рук с маслом, пытаясь сделать пальцы более живыми и гибкими, поскольку они все больше становились похожи на негнущиеся жесткие крюки. И до некоторой степени ему это удавалось.

Святой старец также помогал садхаку разобраться с тонкими моментами практики тапаса, а через год предложил посвятить его в чтение Сурья-мантры¹². Приняв предложение, Балайogi получил посвящение и теперь каждый день в течение небольшого отрезка времени повторял ее. Во время следующего визита Божественного Гуру мальчик рассказал ему

¹² Сурья-мантра – мантра поклонения Солнцу.

о посвящении.

– Это очень хорошо, но мантра, в которую тебя посвятил Тапасвиджи, неполна. Я посвящу тебя в настоящую совершенную мантру. Теперь тебе нужно делать джапу¹³ этой мантры по два часа каждый день.

Когда Тапасвиджи пришел в следующий раз, мальчик рассказал ему об указаниях Божественного Гуру, и старый святой согласился с тем, что во время посвящения совершил ошибку, попросив простить его за упущение. Так прошли четыре года тапаса, хотя и не без серьезных проблем. С течением времени слабость, боль и деформирование конечностей становились все сильнее и сильнее, пока в конце концов он вовсе не потерял способность передвигаться, а пальцы рук не застыли в неразгибаемом захвате. Масло и массаж Тапасвиджи помогали разъединять пальцы, но конечности по-прежнему не хотели двигаться. Боль и недееспособность довели его до того, что он прекратил практику и просто неподвижно сидел. Это, естественно, заставило появиться его Гуру.

– Что тебя беспокоит?

– Я больше не могу управлять этим телом. Конечности настолько измождены и слабы, а боль настолько сильна, что когда я пытаюсь ухаживать за телом и двигаться, я просто не могу этого делать.

Терпеливо выслушав рассказ ученика о его трудностях и

¹³ Осознанное повторение с полностью включенным вниманием.

сложностях, Божественный Гуру мягко улыбнулся и, наклонившись, нежно провел своей огромной рукой по обездвиженным конечностям. После поглаживания Балайоги обнаружил, что его руки и ноги чудесным образом приобрели былую подвижность и силу! Только пальцы рук не восстановились, так и оставшись в согнутом состоянии. Но теперь он хотя бы мог передвигаться и обслуживать себя, не прибегая к помощи других людей.

Балайоги с новыми силами приступил к тапасу и снова стал медитировать по двадцать три часа в сутки, лишь на один час прерываясь в полночь для удовлетворения физических потребностей и ухода за телом. Прошло еще несколько месяцев, и в конце 1953 года он вошел в состояние глубокого самадхи – его ум, будучи поглощенным своим источником, полностью прекратил какие-либо движения. В таком положении, когда тело было абсолютно инертным, а ум безмолвным, он продолжал находиться непрерывно на протяжении месяца. В конце месяца его медитация была прервана легким похлопыванием по колену. Медленно вернувшись к обычному состоянию сознания, он обнаружил, что мандир был наполнен светом такой ослепительной яркости, что он едва мог открыть глаза. Постепенно привыкнув к свету, он увидел, что источник его – стоящая перед ним высокая красивая фигура. С восторгом и уважением он спросил:

– Вы кто?

Высокая белая фигура мягко улыбнулась:

– Люди называют меня Шанкара¹⁴.

Похвалив Балайоги за усердие и преданность медитации, он спросил, нет ли у него каких-либо пожеланий или просьб. Когда ученик ответил, что ни в чем не нуждается, белая фигура нежно улыбнулась и села рядом. Они побеседовали немного, и в конце разговора юноше было сказано, что его Гуру вскоре появится и даст дальнейшие наставления. С прощальным благословением божественная фигура исчезла.

На следующую ночь во время медитации Балайоги в своем мандире перед ним возникла величественная фигура его Гуру с вопросом о том, что произошло. Юноша рассказал ему о встрече с Шанкарой, и Гуру, похоже, остался доволен. Затем он велел ученику поменять направление. Если последние четыре года тот медитировал, сидя лицом на восток, теперь ему нужно было сесть лицом на север и взять на себя обет молчания. Гуру также посвятил его в мантру, соответствующую новому направлению тапаса.

Следующий период в четыре года оказался для юноши более спокойным, поскольку ему больше никто не досаждал. Заботы о мирском исчезли, и теперь его очищенный медитацией ум пребывал в покое при почти полном отсутствии мыслей. Он продолжал практиковать дхьяну и повторять Сурья-мантру в течение еще двух лет. Однажды ночью во время чтения мантры он был выведен из медитации для созерцания лучезарного сияния самого божества Сурьи. Свет был на-

¹⁴ Господь Шива как олицетворение защиты.

столько ярким, что смотреть на ослепительную форму было почти невозможно. Сурья благословил Балайоги на успешное завершение его тапаса и реализацию Истинного Я.

На следующую ночь появился Гуру юноши, и юный тапасвин рассказал ему о том, что случилось накануне. Когда он говорил о даршане Господа Сурьи, в нем неожиданно возникло желание, чтобы Гуру взял его с собой на Сурья-мандалу (сферу бытия божества Сурьи). Гуру с готовностью ответил:

– Я могу взять тебя туда. Просто закрой глаза и не открывай их, пока я тебе не скажу.

Казалось, и мгновения не прошло, как ученику было велено открыть глаза. Он с удивлением обнаружил себя созерцающим великолепный пейзаж с горами и лесами, с покрытыми снегом вершинами. Спустя некоторое время он захотел вернуться назад. Тогда Гуру посадил его на ладонь своей руки, и они стали перемещаться сквозь пространство по направлению к Земле. Во время этого невероятно-го путешествия они пролетали мимо огромной ослепительной сферы Солнца, и Балайоги почувствовал, что пекло во-круг него могло запросто сжечь его дотла. Благодаря защите своего Гуру, он остался цел и невредим, хотя и чувствовал нестерпимый жар. Чтобы облегчить его состояние и немного остудить, Гуру постоянно окунал его во все встречавшиеся небесные и земные реки, пока он наконец не оказался в дхьяна-мандире. Удовлетворив свое желание столь необыч-

ным путешествием, Балайоги, по указанию своего учителя, снова сел на возвышение и погрузился в медитацию.

Так он и продолжал свою практику, проводя по двадцать три часа в сутки в медитации в течение нескольких месяцев, пока однажды ночью перед ним снова не возникла сияющая фигура Господа Шанкары с благословением и вопросом, не нуждается ли он в чем-либо. Балайоги снова ответил, что не испытывает нужды ни в чем, и Господь Шанкара, благословив его, исчез. Как и прежде, вскоре после этого его навестил Божественный Гуру, которому тапасвин рассказал о случившемся. На этот раз Гуру сказал, что пришло время изменить направление и повернуться лицом на запад. Он предупредил, что на этом этапе Балайоги встретится с большим количеством трудностей и препятствий. Он заверил его, что всегда придет на помощь, и, посвятив его в мантру для западного направления, исчез из виду.

Пророчество относительно трудностей сбылось почти немедленно: уже на следующий день у Балайоги возникли сильные боли в животе, а все тело охватил нестерпимый жар. Спустя неделю корова, которая была куплена Тапасвиджи Махараджем специально для того, чтобы у юноши всегда было молоко, неожиданно умерла. Поскольку во время тапаса молоко было его единственной пищей, была куплена другая корова, но и ее через несколько недель постигла та же печальная участь. Затем приобретались другие коровы, и они также умирали одна за другой. Тогда кто-то предложил про-

сто брать молоко соседской коровы. После того как у коровы стали брать молоко, она тоже вскоре покинула этот мир! В это же время у Балайоги обнаружилась непереносимость молока: он извергал из себя все, что выпивал. Он также не мог принимать никакую другую пищу, для его пищеварения она оказывалась очень грубой. Казалось, единственным вариантом для Балайоги было вообще отказаться от пищи и продолжать практику без еды, когда выяснилось, что его организм может принимать и усваивать молочный продукт «Хорликс». Это решало проблему: и организм не отвергает продукт, и корова не нужна. Это и стало его пищей.

Но трудности, поджидавшие его на этом этапе тапаса, только начались. Через несколько месяцев, когда во время ночного перерыва Балайоги собирался выйти из мандира и пойти на реку, он обнаружил, что на пороге, свернувшись кольцом, лежит огромная кобра. Она резко поднялась и, раздув капюшон и угрожающе шипя, начала качаться из стороны в сторону. Балайоги спокойно посмотрел, сможет ли он ее обойти, но, поскольку она занимала весь проход, у него не оставалось другого выхода, кроме как переступить через нее. Разъяренная змея бросилась на него и сильно укусила в бедро, а он, не обращая внимания, продолжил свой путь к реке. Его уже раньше кусала кобра, когда он практиковал на кладбище. Тогда его спас Божественный Гуру, давший ему мантру против змеиного яда, которая исцелила его чудесным образом. Потом его еще один раз кусала змея – когда он про-

сидел в медитации уже около четырех лет, – и мантра снова сработала, сохранив ему жизнь и здоровье. И на этот раз все было похоже: он не чувствовал ничего особенного и шел дальше к реке.

Вернувшись назад после совершения процедур, он увидел, что змея по-прежнему перегораживает проход, и единственное, что ему оставалось, если он хотел попасть внутрь, было снова переступить через нее. Естественно, она снова вонзила в него свои зубы. Юноша невозмутимо прошел к себе в комнату, но яд уже начал действовать и распространяться по телу. Потеряв сознание, он рухнул на пол. Четыре дня он оставался без сознания, пока не появился Божественный Гуру и не привел его в чувство. Балайоги тут же снова взялся за выполнение задания и вернулся к дхьяне, хотя тело его очень ослабло после всего, через что ему пришлось пройти. Но он не умер и продолжил практиковать, хотя любой другой человек в подобной ситуации просто не выжил бы.

В это же время в октябре 1955 года умер Тапасвиджи Махарадж, который был надежной поддержкой Балайоги на протяжении длительного периода его тапаса и человеком, распространявшим знание о высоком духовном статусе юноши. Услышав о том, что старец покинул этот мир, тапасвин опечалился, поскольку любил и уважал его, но затем посмотрел на это событие как на еще одно подтверждение мимолетности существования всего материального и вернулся к медитации. Вдобавок ко всем перечисленным выше трудно-

стям на этом этапе стала сильно страдать его физическая форма: все его тело покрылось кровоточащими болезненными ранами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.